

На всех твоих концертах были аншлаги, даже при очень высокой цене на билеты. Многие такой успех предполагали. Но нередко добавляли, что не последнюю роль в нем сыграла твоя помолвка с Аллой Борисовной.

— У меня всю жизнь аншлаги по всей стране, хотя "на Киркорова" всегда самые дорогие билеты. А рекламная кампания данной программы началась еще до помолвки. К тому же не все верят в наш союз. Многие не могут определить: серьезно это или нет.

— А ты веришь?

— Какая разница? Это мое личное дело, и я имею свое мнение по этому поводу.

— Ты ощущаешь себя одной из двух равноправных сторон или счастливым, которому досталась роль фаворита королевы?

— Ну как это — фаворит королевы? Я же самостоятельная единица. Меня делать-то не надо. Деньги, например, вкладывать, создавать что-то из ничего. Я завоевал свою позицию на эстраде, любовь зрителей и уже пять лет остаюсь одним из немногих исполнителей, собирающих полные залы при, повторю, самых высоких ценах на билеты. Так что к фаворитам, к свите я не отношусь. У меня у самого огромная свита.

— Шумиха вокруг ваших отношений тебя утомляет или так и было предусмотрено?

— Да забавляет она. Но отнюдь не является рекламным ходом, скорее уж антирекламным.

— Для кого именно?

— Для обоих. Подумай, ты же журналист, почему может стать антирекламой супружество двух "звезд"?..

Так что, напротив, помолвка или свадьба могли лишь помешать концертам в Москве или Петербурге. А люди пришли. Пришли посмотреть не на мужа Пугачевой, а на новую программу, зная, что я всегда показываю что-то новое и не отношусь к "фанерщикам". На сей раз я взялся за довольно большую форму и, слава Богу, не надорвался.

— Да, "Я не Рафаэль" отличается от твоих же прошлых концертов, но превосходит ли это шоу "Полнолуние" Леонтьева, о котором говорили как о самом грандиозном, что было на нашей сцене за последнее время?

— Да у меня вообще не шоу, а скорее спектакль. Декорации не меняются, оркестр полусцены занимает и так далее. "Я не Рафаэль" — концерт в лучших традициях европейского стиля, по крайней мере в вокальном плане. Я хотел сделать антураж второстепенным элементом.

— Сколько песен ты поешь в программе не "живую"?

— Не так уж много, причем как раз те, что петь легче всего — хитовые. Самые сложные вещи пою не под фонограмму — допустим, все первое отделение с оркестром. Умные люди понимают, что, исполнив песню с элементами джаза — под биг-бэнд, уж, наверное, я, если потребуется, спою без труда "живьем" "Атлантиду" или "Ты, ты, ты".

— Не устаешь от такого длинного концерта? Ты же почти четыре часа на сцене, а во время премьеры выступал и вовсе с 19 до 24.

— А чего уставать? Мне 26 лет. К тому же есть что петь. Хуже, когда думаешь: "Блин, час десять получается, а нужно час тридцать. Чего бы еще-то добавить?" Во, кошмар!

— С одной стороны, ты очень популярный певец, а с другой — у тебя ведь не так много шлягеров...

— Публика у нас, слава Богу, разбавляется, что такое хорошая песня, а что нет. Я никогда не гнался за модой, не пел рэп, техно и прочее, хотя могу все это исполнить, не пытаясь увешивать себя дорогими побрякушками, менять сто костюмов...

— Но ты тоже не без этого. Скажем, в первом отделении переодевался довольно часто.

— Так то стилизация под 60 — 70-е годы. Но возьми второе — черные брючки, черная маечка, желтый пиджак... Вот он — Филипп Киркоров. Все. Ничто не должно отвлекать от пе-

У редактора газеты, в которой я когда-то трудился, существовал любопытный принцип оценки качества материала. Если какую-то статью нужно было забраковать, он произносил убойную фразу: "Моей жене это будет неинтересно". Представляю, какие громы и молнии метала бы супруга моего бывшего начальника, узнав, что корреспондент, больше часа проговорив с певцом, личная жизнь которого будоражит ныне умы российских граждан не меньше, чем сериал "Просто Мария", не спросил его о главном. Поэтому не буду испытывать ее терпения долгими рассуждениями о творчестве и искусстве, а сразу перейду к самому интересному. Тем более передо мной и впрямь сидел "не Рафаэль", а суперсамоуверенный

Ф. КИРКОВ: СПРАВЕДЛИВЫЙ, ЩЕДРЫЙ, ПОПУЛЯРНЫЙ. И ОДНОЛЮБ...

■ В связи с недавним бракосочетанием лицо возмужавшего Филиппа не сходило с газетных страниц. Не обошла вниманием столь примечательное событие и наша газета. За что читатели были, судя по реакции, несказанно благодарны. Думаем, порадуется их и снимок юного Киркорова, когда он еще только мечтал об Алле Борисовне.

Фото А. АЗАНОВА.

сен. А шлягеры я на самом деле пою, иначе народ бы никогда на концерт не пришел. "Атлантида", например, супершлягер. Просто я никогда не платил за первые места в "хит-парадах".

— А "Овация"?

— А что "Овация"? Очень объективная, кстати, премия. Ну кто самый популярный и кассовый солист за последние два года?

— Ты?

— Ну. А среди женщин? Не берем Пугачеву — она вне конкуренции.

— Аллегрова?

— Конечно. И все. Без вопросов.

— Слушай, Филипп, я опять возвращаю тебя к личной жизни. Как ты вообще-то воссоединился со своей супругой? Помнится, уход из театра Пугачевой ты переживал довольно чувствитель-

но. — Я ушел именно затем, что-

бы вновь прийти к этой женщине. Прийти таким, какой я сейчас. Я не имел права на нее, будучи, скажем так, разного с ней уровня, ощущая, что являюсь еще абсолютно беспомощным человеком в этом мире. А теперь я крепко стою на ногах, являюсь полностью независимым, сам могу помочь, кому захочу, и поэтому вернулся к ней. Я все сделал специально.

— Так ты вернулся как артист или как мужчина?

— И как артист и как мужчина.

— И чтобы никто не подумал, что она тебя куда-то вытесняет?

— Безусловно. Такое для артиста уничижительно.

— Когда ты ушел из театра А. Б., появились слухи, что сделано это было потому, что Киркоров не захотел оставаться третьим, ибо кое-кто намекал, что кассу собирают в основном Пугачева и Пресняков-мл.

— Меня это немного заводило. Я самолюбив и хочу быть первым, а не каким-то еще.

— То есть слухи были небезосновательными?

— Да, по молодости лет я, как и любой человек, обладал тщеславием и другими похожими качествами.

— Сейчас в твоем характере таких свойств уже нет?

— По крайней мере я никогда не борюсь за место в концерте. Правда, ставя в основном последним. Несколько раз, помнится, оказывался в середине, но на следующем концерте организаторы уже исправляли свою ошибку. Сам я ничего не меняю. Поставили меня в начале — сами потом терпите. После меня артистам трудно выступать.

— А сам ты не испытываешь неудобства или беспокойства от того, что вскоре после твоих концертов в "Россию" на ту же сцену поднимется легендарный Том Джонс? Что-то общее у вас есть...

— Пусть он переживает... Хотя, конечно, Джонс — гениальный певец, и я обязательно приду на его концерт, если буду в Москве.

— Как ты думаешь, "Я не Рафаэль" может иметь успех?

— У нас уже десятилетия Индия, Лас-Вегас, Сан-Ремо, Атлантик-Сити, Сан-Ремо, Атлантик-Сити... Сейчас подписываются контракты.

— Почему твоя мать не приходила ни на один концерт?

— Она сейчас серьезно болеет. Но я поставил ей в больнице спутниковую антенну и она смотрела каждый вечер прямую трансляцию из зала.

— Какие взаимоотношения у тебя сейчас с Челобановым?

— Очень уважаю этого исполнителя. Он талантливый аранжировщик и бесспорно настоящий самородок.

— Но вы не общаетесь?

— Ну почему не общаемся?..

— Он не считает, что ты перешел ему дорогу?

— Я?! Да он же просто работал с Аллой Борисовной. У него был контракт на три года, который закончился. Теперь Сергей Васильевич — самостоятельный, популярный артист. Он же никогда не являлся, как говорится, женихом, что ли, или любовником Пугачевой. Это был ее коллега, и все. А то, что народ додумывает, так мало ли... У нас народ говорил когда-то, что Лещенко и Толкунов — брат и сестра. Ну и что?..

Отношения с Челобановым абсолютно нормальные. Недавно вот мы вместе отмечали первое воскресенье весны. Он приходил со своими друзьями.

— Ты как-нибудь объяснял свою женитьбу родителям?

— Ничего я им не объяснял. Во-первых, я самостоятельный человек, а во-вторых, они со временем люди. И потом, это опять-таки личный вопрос. Ты сам-то во все это веришь?

— Ну, если мы сейчас начнем об этом говорить, пожалуй, вечера не хватит. У меня есть, скажем так, свое мнение на этот счет.

— А-а... То-то же! (Смеется.) Я и сам не до конца верю в то, что происходит, но пусть оно происходит. А мои женщины, мои поклонницы могут не переживать. Они всегда останутся

для меня родными. Я пел и пою только для них. Женщины — очень тонкие и чуткие натуры, каждый вечер, выходя на сцену, я думаю, что найду ту, которая станет главной в моей жизни.

— И все эти годы у тебя была настоящая, большая любовь к Алле Борисовне?

— Да, как к женщине. Любимой мужчины, если он нормальный мужчина, должен мечтать о женщине.

— Твоя долгая дорога к Пугачевой триумфально завершилась, а если когда-нибудь придется отправиться в обратный путь, будет трудно?

— Все-то ты копаешься в личной жизни. Я сам в ней ничего не понимаю, сам не знаю, где в ней правда, а где ложь. Я человек противоречивый, постоянно испытываю новые ощущения, переживания.

— Где ты сейчас живешь?

— Где, где — в доме... (Улыбается.) В своем...

— На один концерт ты приехал на "Линкольне", на другой — на "Вольво", на "Овацию" пришел в немыслимо дорогой шубе... Народ поражает нескрываема роскошь твоей жизни. Ты очень богатый человек?

— Да, я богат. Но жуткий транжира. Много денег трачу на благотворительность. Не могу видеть бедных людей. Если встречаю таких, отдаю им все, что есть в карманах. У меня хватает денег на то, чтобы ни в чем себе не отказывать. Люблю красивую жизнь, ибо жизнь одна. Я могу на сцене быть очень скромным, но в жизни артист должен чувствовать себя артистом. Чтобы окружающие, увидев его, так и говорили: "О! Вот пошел артист!"

— А что такое твоя благотворительность?

— Все. Дело не только в деньгах, существует еще моральная помощь.

— И кому ты помогаешь?

— Людям. Тем, кто меня просит.

— К тебе можно подойти и сказать: "Слушай, Филипп, мне чего-то денег не хватает, помоги?"

— Можно.

— Такое случается?

— Постоянно. Мои друзья и

мне показывали, что ты, кроме того, достаточно вспыльчивый и даже злой. Прямо за кулисами мог уволить за какой-нибудь прокол, скажем, звукорежиссера или осветителя.

— Да. Но я не злой, а справедливый. Если когда и открываю рот, то заслуженно, и все об этом знают. Я выхожу на сцену. Я! Меня станут обсуждать и оценивать зрители. Чтобы все было нормально, люди, работающие со мной, должны выполнять свои обязанности на 100 процентов. А когда я как артист работаю на все сто, а кто-то трудится вполовину — происходят увольнения.

— Сейчас поклонники обсуждают, какого цвета у тебя стали глаза. Я что-то не заметил в них существенной перемены с момента нашей предыдущей встречи.

— Коричневые или синие? Да они у меня от света зависят.

— А от 15 тысяч долларов, о которых пошла речь?

— Ну народ, что с ним сделаешь?.. Или с вашим братом, журналистом?.. У меня глаза просто хамелеонного цвета.

— Пока мы с тобой разговариваем, рядом все время стоит охранник, а у входа в гримерку — еще двое. Раньше их у тебя вроде не было. Это что — подарок супруги?

— Нет. Это моя охрана.

— А зачем она тебе?

— Ну как же? Время у нас смутное, беспокойное.

— Что, возникли ситуации, когда приходилось прибегать к услугам телохранителей?

— Пока не возникло. Люди меня в принципе знают и уважают. Но ведь и ненормальные порой встречаются. Джона Леннона-то убили...

Хотя покушение — это такое дело, президентов вон убивают, и охрана не спасает. Однако, когда рядом с тобой нормальные ребята, жить все-таки спокойнее.

Михаил МАРГОЛИС.